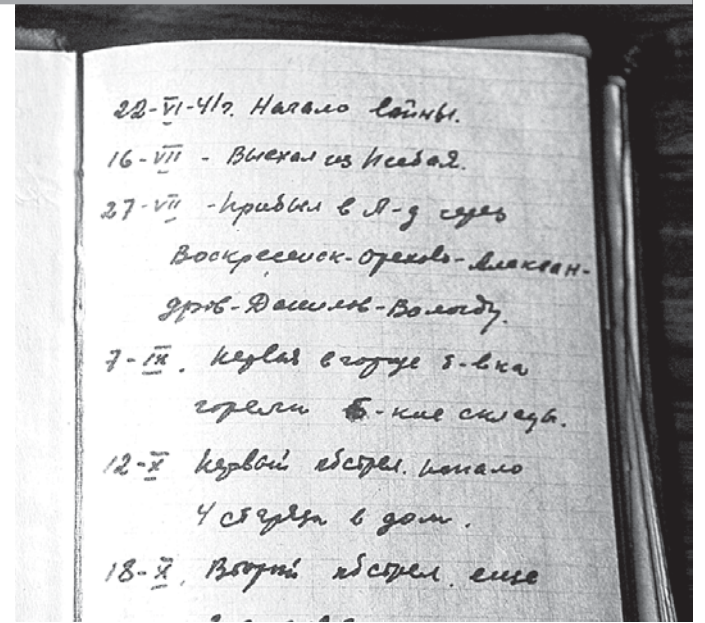

ЖИТЬ В УГЛУ КОМНАТЫ?

ВЛАСТЬ ИМУЩИЕ УПОРНО
ОТКАЗЫВАЮТ В ПРЕДОСТАВЛЕНИИ
ОТДЕЛЬНОГО ЖИЛЬЯ 81-ЛЕТНЕМУ

ЕВГЕНИЮ ЯКШЕВИЧУ — БЛОКАДНИКУ, ИНВАЛИДУ,
ВETERАНУ ТРУДА, НАГРАЖДЕННОМУ ОРДЕНОМ «ЗНАК ПОЧЕТА»,
55 ЛЕТ ОТДАВШЕМУ МОРСКОМУ ФЛОТУ

Страница дневника 1941 года.

снова вернулись к 9 кв. м, — добавляет Татьяна Александровна.

Якшевичи — люди интеллигентные и, как бы сейчас сказали, непрактичные. Они даже потеряли комнату в коммуналке, в которой проживала мать Евгения Викторовича. Не догадались вовремя туда кого-то прописать. И после ухода из жизни матери комната перешла государству. Просто были воспитаны как глубоко порядочные люди, не признающие никаких уловок, чтобы что-то получить для себя.

Пятиэтажка Якшевичей, понятное дело, без лифта, и теперь Евгению Викторовичу, у которого плохо с ногами, уже крайне сложно выбираться на улицу. Пять этажей — это десять лестничных пролетов, которые нужно преодолеть. А когда Евгений Викторович получал квартиру, то перед получением был розыгрыш номеров квартир среди будущих жильцов. Так тогда было принято в кооперативах. Платишь деньги, но не знаешь, какую именно квартиру получишь. Евгений Викторович тогда получил нижний этаж, но пожилые люди, которым достался пятый, попросили его поменяться. Именно из-за того, что было сложно подниматься, Евгений Викторович согласился, потому что не мог отказаться в помощи. Теперь в помощи нуждается он сам.

«ОТ ГОЛОДА ОДИН ЗА ДРУГИМ УМИРАЛИ СОСЕДИ...»

Биография Евгения Викторовича, всю жизнь проработавшего на бескрайних просторах Арктики, настолько интересна, что достойна написания книги. Но мы ограничимся только некоторыми моментами.

Евгений Викторович родился в Ленинграде в 1933 году. Его родители тогда были студентами и жили в общежитии. Именно общежитие стало первым домом Евгения Викторовича. Потом семья переехала в коммуналку в центре Ленинграда, рядом с Почтамтом. В той коммуналке Евгений Викторович и пережил самое страшное блокадное время. Только 31 марта 1942 года семья по Дороге жизни была вывезена из кольца блокады.

— Начало войны нас — меня, маму и бабушку — застало под Псковом, мы там отдыхали летом. К Пскову очень быстро продвинулись немецкие войска, и нас спешно посадили на телеги и повезли на Валдай, оттуда — до Бологого, где посадили на поезд до Ленинграда. Тогда еще никто и предположить не мог, что город окажется запертым в кольцо блокады. Настроение у ленинградцев было боевое. Думали, война скоро закончится, ведь до этого довольно быстро закончилась «зимняя война», — вспоминает Евгений Викторович.

— Карточки ввели довольно быстро, но сначала мы даже не выбирали по ним хлеб. Было по 800 граммов на работающих, по 400 граммов на иждивенцев, —

добавляет Евгений Викторович. (И как потом ленинградцы жалели, что поначалу не выкупили весь хлеб! Можно было насытить сухарей и продержаться еще сколько-то!)

Начались бомбежки и артобстрелы. В дом, где жили Якшевичи, попало 13 снарядов, один из них пробил стену их комнаты. Вступил в свои права голод.

— Отапливать комнаты было нечем, и все оставшиеся в городе обитатели нашей коммуналки — восемь человек — переселились на кухню. Так и жили, топя единственную печку, — рассказывает Евгений Викторович. — Я вообще хорошо помню всех соседей по дому — и кому посчастливилось пережить блокаду, и кто умер. Тем не менее и в блокаду мы оставались детьми. Например, мы с мальчишками бегали по крышам, собирали осколки снарядов. Коллекционировали.

Отец Евгения Викторовича, Виктор Станиславович, в блокаду вел дневник. И теперь эта маленькая потерянная записная книжка — бесценная семейная реликвия. Каждый год на 9 Мая ее достают и перечитывают полустертые записи, большинство из которых сделаны карандашом.

Вот отрывки из дневника Виктора Станиславовича Якшевича.

«7.09.1941 — ...первая в городе бомбардировка, горели Бадаевские склады.

12.10.1941 — ...попало 4 снаряда в наш дом.

18.10 — ...еще 3 снаряда.

19.10 — ...рядом в дом упала бомба.

17.11 — ...еще снаряды в наш дом.

23.11 — Снаряды у почтамта.

8.12 — Метель, снежные заносы. Трамваи не ходят.

23.12 — Пошел в очередь в 2 часа ночи, был 80-м. Ушел спать, все равно ничего не достанется.

Все мы значительно похудели. В городе много умерших от голода. Кладбища завалены мертвечами. Хоронят в общих могилах и без гробов. Много убитых от артиллерийских обстрелов...

29.12 — Артиллерийский обстрел, снаряд попал в дом 26 с улицы Связи, осколки влетели в нашу комнату...

1.01.1942 — Когда слышишь слова: «смерть», «смерть», «умер», «умер» — волосы становятся дыбом... сахар и кондитерские изделия не получить. Все ждем и ждем...

10.01 — Хочется есть и есть. Чувствую слабость. Такое состояние, что за хлеб отдашь все, что есть... Продукты за январь еще не дают...

В дневнике встречаются записи, что такой-то знакомый умер тогда-то, такой-то тогда-то, перечислено жидкое блокадное меню и, как особо счастливые события, указаны дни, когда норму хлеба повышали и на сколько. И, как другие блокадники, Виктор Станиславович ходил на рынок с надеждой поменять что-нибудь на еду. Но менять-то по большому счету было и нечего... Не было в семье дорогих вещей.

— Запомнил, как однажды к нам в гости пришли наши бывшие соседи, которые в блокаду уже не жили в нашей квартире. Муж с женой. И принесли нам несколько котлет. Это было так удивительно: голод — и котлеты. Откуда они взяли мясо, если вообще в тех котлетах было мясо? Может быть, убили собаку, — рассказывает Евгений Викторович.

В марте 1942 года Виктор Станиславович получил назначение в леспромхоз Тихвинского района, и 31 марта семья выехала из города по Дороге жизни. Казалось бы, самое страшное позади. Нет. Организм Виктора Станиславовича был настолько ослаблен голодом, что не смог победить туберкулез. И усиленное (если сравнивать с блокадным) питание уже не помогло. Отец Евгения Викторовича умер: блокада все равно настигла свою жертву. А Евгений Викторович с матерью были переправлены в эвакуацию в Сибирь. Там Евгений пошел в школу, причем сразу во второй класс. Затем, перепрыгнув через третий, сразу, по знаниям, был зачислен в четвертый.

И ПОСЛЕ ВОЙНЫ СЕМЬЯ ЖИЛА В КОММУНАЛКЕ...

В седьмой класс Евгений Викторович пошел уже в Ленинграде, куда семья вернулась из эвакуации — в ту же коммуналку возле Почтамта.

— Так и получилось, что я тридцать три года провел в коммуналке. Мы, к слову, в коммуналке очень дружно жили. После войны так даже концерты местной детской самодеятельности в квартире устраивали. Никто никогда ничего у другого не

крал, двери никогда не запирали, — поясняет Евгений Викторович.

После окончания десятого класса встал вопрос, куда поступать. Решили, что в вуз, в котором студенты находятся на государственном обеспечении. Потому что жили-то очень бедно. Рядом с домом находилось Военно-морское училище имени Дзержинского, туда юноша и направился с документами. Но...

— Судьба была иная. Пришел с документами, а в приемной комиссии — обеденный перерыв. Стал ждать, разговорился с одним курсантом, который был дневальным. И этот юноша мне сказал, что вот он поступил, отучился и теперь очень жалеет, что пошел именно сюда. Он меня как-то озадачил, я вышел в растерянности на улицу. И — повстречал своего однокурсника, который мне с восторгом рассказал, что поступает в Высшее арктическое морское училище имени адмирала Макарова. И я пошел в Макаровку, — уточнил Евгений Викторович.

Окончил Макаровку по специальности «гидрография», получил диплом с отличием. Затем была защита кандидатской диссертации, получение ученого звания старшего научного сотрудника. И конечно, были многочисленные экспедиции в Арктику. 55 лет работы, звание ветерана труда, орден «Знак Почета».

И вот теперь — старость в столь стесненных жилищных условиях.

Евгений Викторович и Татьяна Александровна уже и не надеются, что им предоставят отдельную квартиру. Потому что привыкли получать отказы и совсем не привыкли бороться за свои права...

Татьяна ТЮМЕНЕВА
Фото Натальи ЧАЙКИ

КОММЕНТАРИЙ

Татьяна СМЕРНОВА, юристконсульт горячей линии «36 квадратных метров»:

— Краткость ст. 53 Жилищного кодекса Российской Федерации не позволяет ответить на вопрос о том, вправе ли чиновник районной администрации квалифицировать действия лица как намеренное ухудшение жилищных условий и кто должен доказывать наличие умысла на совершение намеренных действий, в результате которых гражданин может быть признан нуждающимся в жилом помещении: сам гражданин или же орган, полномочный принимать подобного рода решения.

До настоящего времени этот вопрос решается органами местного самоуправления самостоятельно. Чиновник исходит из того, что если граждане совершают действия, направленные на ухудшение жилищных условий, то такие действия следует считать намеренными и совершенными с целью приобретения права состоять на учете. Такие действия грубейшим образом нарушают конституционное право гражданина Российской Федерации на частную жизнь и противоречат требованиям ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Поскольку квартира, в которой проживает Евгений Викторович с супругой, занята несколькими семьями, но не является коммунальной, то исчисление жилищной обеспеченности должно быть произведено в соответствии со ст. 7 Жилищного кодекса РФ и ст. 3 Закона Санкт-Петербурга от 19 июля 2005 г. №407-65 «О порядке ведения учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях...»

Пунктом 3 статьи 15 Федерального закона от 12.01.95 №5-ФЗ «О ветеранах» установлено, что участники Великой Отечественной войны, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имеют право на получение мер социальной поддержки в виде обеспечения жильем за счет средств федерального бюджета и, согласно пункту 1 статьи 23.2 Федерального закона от 12.01.95 №5-ФЗ «О ветеранах», полномочия по обеспечению жильем в соответствии со ст. 15 вышеуказанного закона переданы органам государственной власти субъектов РФ.